

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1 Стр. 464 - 468.

Она шестнадцать лет была классной дамой в N-ском институте благородных девиц и пользовалась исключительным, беспримерным уважением со стороны как директрисы, так и всего высшего начальства. В ней чтили ее педагогическую строгость, суровую преданность делу и многолетний опыт. Между другими классными дамами ходили слухи, что она пользуется у директрисы привилегией интимных докладов после вечернего чая. Поэтому ее не любили, сторонились от нее и побаивались.

Институтки трепетали перед ней, и класс ее всегда был образцовым по благонравию и успехам: этого, однако, она достигала без криков, без наказаний, даже без жалоб родителям девочек и начальству. Было что-то властное в ее холодном, немигающем взоре, чувствовалась уверенная сила в спокойном тоне ее голоса. Бойкая школьная семья ей одной из всех дам не могла дать хлесткого ходячего прозвища.

Окончив курс в институте с золотой медалью, она в нем же осталась классной дамой. У нее не было ни детства, ни прошлого, ни чего-нибудь похожего на самый невинный институтский роман -- точно она и на свет божий родилась только для того, чтобы стать классной дамой.

Однако она была красива. У нее было лицо с тонкими чертами, желтоватое и смуглое, усыпанное хорошенькими родинками. Такие лица, слегка чахоточного типа, всегда нравятся мужчинам. Ее талии завидовал весь институт. Тем не менее никто не покушался за нею ухаживать. Каждому казалось, что он одним легкомысленным помыслом обидит эту девушку, всю себя посвятившую воспитанию детей.

Кто-то из знатных попечителей института назвал ее "бессменным часовым". Действительно, службе она посвящала двадцать часов в сутки -- остальные четыре часа шли на сон. Впрочем, иногда, проснувшись среди ночи, она неслышными шагами обходила дортуары, как и всегда туго затянутая корсетом, застегнутая на все пуговицы форменного платья. От нее не укрывалась ни одна мелочь из серой жизни ее птичника, точно она обладала способностью читать помыслы в самом их зерне.

За все время своей долгой службы Наталья Давыдовна только однажды воспользовалась долгим отпуском -- именно тогда, когда, по совету докторов, она вынуждена была уехать на четыре месяца для поправления своего расшатанного службой здоровья, купаться в одесских лиманах. Кроме этого случая, она почти не покидала стен института. Только изредка, не чаще раза в два или три месяца, она испрашивала позволения провести ночь с субботы на воскресенье у своей больной тетки, жившей где-то на самом краю города и страдавшей несколько лет подряд жестокой женской болезнью, не позволявшей этой почтенной женщине никогда вставать с кресла.

Но, проведя мучительную ночь у постели больной, страдавшей страшной бессонницей и к тому же капризной и раздражительной, Наталья Давыдовна рано утром уже являлась в институт, чтобы вместе со своим классом поспеть к обеду. По окончании службы, когда директриса, первой приложившись ко кресту, становилась на видном месте около клироса, а все классные дамы, возвращаясь от креста, делали ей реверансы, она знаком головы подзывала к себе Наталью Давыдовну:

-- Eh bien! Comment se porte madame votre tante? [*Ну, как чувствует себя ваша тетушка? - фр.*]

-- Princesse, dieu seul peut la sauver. Elle souffre beaucoup [*Только бог может ее спасти, княгиня. Она очень страдает - фр.*],-- отвечала классная дама, вздыхая и глядя признательно на начальницу.

--Pourquoi n'etes-vous pas restee encore aupres d'Elle? --Je suis venue pour remplir mon devoir, princesse. --Mais vous meme, mon enfant, vous avez l'air malade.

-- Ma tante n'a pas ferme l'oeil pendant toute la nuit.

-- Pauvre enfant! Vous perdez votre sante! Allez vite vous reposer, ma chiere[*]. Я сейчас же прикажу прислать вам бульону и вина.

[*] -- Почему же вы не остались еще с ней?

-- Я вернулась, чтобы выполнить свой долг, княгиня.

-- Но у вас у самой, мое дитя, болезненный вид.

-- Моя тетушка всю ночь не смыкала глаз.

-- Бедное дитя! Вы губите свое здоровье. Ступайте скорей отдохнуть, моя дорогая (фр.).

Вид в эти воскресенья у Натальи Давыдовны бывал совсем болезненный. Казалось, она только что встала после тяжкого недуга или очнулась от безумной оргии; так было бледно и истомлено ее лицо со ввалившимися, окруженными тенью глазами, с пересохшими и истуканными губами.